

КИР
БУЛЫЧЕВ

Последняя
война

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Б 90

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина
Иллюстрации Владислава Шикина

ISBN 978-5-389-10559-1

© К. Булычев (наследник), 2018
© М. Манаков, К. Ратников,
предисловие, 2015
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

СТРАНСТВИЕ ПО УДИВИТЕЛЬНЫМ МИРАМ КИРА БУЛЫЧЕВА

Имя Кира Булычева, безусловно, хорошо знакомо всем, кто интересуется современной фантастикой, одним из классиков которой он стал по неоспоримому и заслуженному праву. Его творчество помнят, любят и ценят вот уже на протяжении полувека представители самых разных поколений — от умудренных жизненным опытом взрослых до любознательных детей и подростков, только еще открывающих для себя удивительный мир большого мастера. Миллионы читателей благодарны ему как автору увлекательных фантастических романов и повестей, объединенных в циклы об отважной девочке Алисе, о находчивом докторе Павлыше, с приключениями которого вы как раз и познакомитесь, прочитав эту книгу, о чудачковатых, но таких обаятельных и забавных обитателях маленького русского городка с гордым именем Великий Гусляр. Его хорошо знают также читатели других стран: проза Кира Булычева переведена на более чем 30 языков самых разных народов мира, а многие произведения зарубежных писателей — Айзека Азимова, Грэма Грина, Артура Кларка, Клиффорда Саймака, Жоржа Сименона и других — он и сам переводил на русский язык.

Очень много среди поклонников Кира Булычева и тех, кто был очарован в свои детские годы снятыми по его сценариям многосерийной телевизионной фантастической лентой «Гостья из будущего», двухсерийным кинофильмом «Через тернии к звездам» и знаменитым мультфильмом «Тайна третьей планеты», ставшим непревзойденным образцом советской кинофантастики, за который Булычев был даже удостоен почетной Государственной премии СССР в 1982 году.

Однако далеко не каждому известно настоящее имя любимого и популярного писателя. А ведь под запоминающимся псевдонимом выпускал свои литературные произведения крупный ученый, доктор исторических наук, авторитетный востоковед Игорь Всеволодович

Можейко, автор чрезвычайно интересных исследований о давних временах и дальних странах, о людях, овеянных дымкой красочных легенд и преданий, о кровавых битвах и мирных путешествиях, о великих географических открытиях и остающихся до сих пор неразгаданными тайнах мировой истории и культуры. Такие книги, как «7 и 37 чудес», «Пираты, корсары, рейдеры», «1185 год», расширяют для читателя горизонты истории, в то время как многоцветие и буйство красок экзотических стран Азии и Африки — Мьянмы (Бирмы), Ганы, — запечатленное им на страницах путевых очерков, раздвигает перед нами географические границы мира. Но все-таки всемирно известный ученый-востоковед И. В. Можейко, несмотря на свои общепризнанные научные заслуги, остается гораздо более известным именно как писатель Кир Булычев. Своим обширным творческим наследием он обеспечил себе почетное место в литературе XX века.

Такое поистине уникальное сочетание в многогранном и разнообразном творчестве одного человека яркого литературного таланта и глубоких научных знаний, писательского мастерства и исследовательской добросовестности, захватывающей занимательности изложения и строгой точности аналитического постижения представляет собой удивительный феномен, объяснение которому — в его неповторимой индивидуальности, в масштабности и разносторонности крупной личности этого замечательного и выдающегося человека.

Игорь Можейко родился 18 октября 1934 года в Москве. О трудных, но очень насыщенных и интересных годах своего детства и юности, о родителях и друзьях, о первых впечатлениях открывающегося перед ним мира, о наиболее важных событиях жизни сам писатель ярко и увлекательно, с большой душевной теплотой рассказал в своей автобиографической книге «Как стать фантастом» (1999), с наглядной образностью, в мельчайших выразительных деталях воссоздав памятные картины навсегда ушедшей в историю эпохи.

После окончания в 1957 году Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза, в котором обучился английскому и чешскому языкам, он несколько лет проработал в Бирме переводчиком на строительстве совместных советско-бирманских объектов, а затем корреспондентом АПН. Вернувшись в Москву, Игорь Можейко поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, которую успешно окончил в 1962 году. Вся его дальнейшая научная деятельность связана с этим крупнейшим академическим центром. С 1963 года и вплоть до последних дней жизни он активно работал в Институте востоковедения, став его ведущим научным сотрудником. В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Паганское государство (XI–XIII века)», а в 1981 году —

докторскую диссертацию по теме «Буддийская сангха и государство в Бирме». И. В. Можейко опубликовал несколько монографий по истории Бирмы и Юго-Восточной Азии: «История Бирмы» (1973), «Бирма: религия и политика» (1978), «Западный ветер — ясная погода» (1984) и др. Кроме того, в 1960–1970-е годы он активно сотрудничал с журналами «Вокруг света», «Азия и Африка сегодня» и целым рядом других. Специально для этих изданий он написал несколько десятков увлекательных научно-популярных статей, заметок, путевых очерков.

К литературному творчеству в сфере фантастики Игорь Можейко обратился в начале 1960-х. Кстати, тогда же он взял себе свой прославленный в последующем псевдоним — Кир Булычев. Имя было выбрано в честь жены — известной художницы Киры Сошинской, а второй частью псевдонима стала девичья фамилия матери — Булычева. Ну а уже затем именем любимой и единственной дочери была названа одна из главных героинь его книг — Алиса, девочка с Земли. Первое опубликованное Булычевым фантастическое произведение — «Девочка, с которой ничего не случится» (1965) — положило начало самому известному циклу произведений писателя об удивительных приключениях девочки из будущего Алисы Селезневой. Для творчества Кира Булычева вообще очень характерна своеобразная эпическая циклизация произведений — объединение их в отдельные серии книг с постоянно действующими в них персонажами, последовательно развивающимися, искусно переплетенными сюжетными линиями и единым пространством, в котором оказываются герои. Неистощимой фантазией писателя созданы необычайные миры, где парадоксальным образом переплетаются приметы повседневной, окружающей нас реальности с диковинными очертаниями таинственных галактик в доселе неведомых привычному житейскому опыту пространственно-временных измерениях. Заинтересованно вникая в перипетии разветвленных сюжетных ходов, обживая фантастические миры Кира Булычева, каждый читатель сможет глубже понять оригинальность и целостность булычевской концепции предназначения человека во Вселенной как ответственного за свои поступки сознательного носителя доброты, правды и справедливости.

Помимо чрезвычайно популярного среди юных читателей цикла повестей об Алисе и рассчитанного на взрослых читателей цикла романов «Река Хронос», по-новому освещающих динамичную и противоречивую панораму так называемой «альтернативной истории» Советского Союза в XX веке (этот цикл сам писатель считал главным в своем творчестве), наибольшей известностью пользуются юмористически-сатирический эпос о Великом Гусляре, а также повести и романы о космических приключениях доктора Владислава (Славы) Павлы-

ша. Всего же за почти сорок лет творческой деятельности Булычевым было создано более трехсот фантастических произведений, полюбившихся многочисленным читателям во всем мире.

В этом книжном томе, который вы держите сейчас в руках, представлен весь цикл повестей и рассказов Кира Булычева о докторе Павлыше: «Тринадцать лет пути», «Великий дух и беглецы», «Последняя война», «Закон для дракона», «Садовник в ссылке», «Белое платье Золушки», «Половина жизни», «Поселок», «Пленники долга». Создание этого цикла связано с любопытными обстоятельствами творческой биографии писателя. В 1967 году ему довелось участвовать в научной командировке от очень популярного среди советских читателей журнала «Вокруг света» по знаменитому Северному морскому пути, соединяющему европейскую часть России с ее сибирскими и дальневосточными территориями. На большом корабле-сухогрузе «Сегежа» Булычев познакомился и подружился с корабельным врачом по фамилии Павлыш, вдохновившим писателя на создание целого ряда фантастических произведений, в которых действовал персонаж, наделенный многими качествами его нового знакомого — оптимизмом, изобретательностью, энергией, способностью находить выход из самых затруднительных ситуаций, а также ярким чувством юмора и неиссякаемым жизнелюбием. В своей автобиографической книге «Как стать фантастом» Булычев позднее вспоминал, как во время морского плавания придумал для себя космический корабль, который должен быть обыкновенным, как «Сегежа», и люди там должны быть обыкновенными, как на «Сегеже». «Я подумал, что назову этот корабль именем земного прототипа, а главным героем сделаю Славу Павлыша. Конечно, он не будет так уж похож на моего друга, но все-таки он окажется в чем-то близок Славе».

И вот теперь все заинтересованные читатели получили приятную возможность подробнее узнать о замечательных приключениях булычевского героя на других планетах, рассеянных в неизмеримых просторах Галактики, населенных диковинными существами и нередко тающих в себе непредвиденные опасности и грозные испытания, которые доктор Павлыш с честью преодолевает, сохраняя при этом глубокий гуманизм и веру в то, что силы добра и правды обязательно одержат в итоге победу над ложью, насилием и злобой. Повести Кира Булычева о космических приключениях доктора Павлыша снискали заслуженный успех в самых разных странах мира, и отнюдь не случайно они переводились на многие иностранные языки, включая китайский.

В научно-фантастический цикл о космических странствиях и необычайных приключениях доктора Павлыша входит несколько произведений самых разных форм, включая романы, повести и рассказы. Все они объединены даже не столько острыми и непредсказуемыми сюжетными перипетиями, сколько внутренней общностью главных действующих персонажей — самого Павлыша и часто его товарищей, членов команды межпланетного звездолета «Сегежа». И если в первой части книги во всех произведениях действует непосредственно сам Павлыш, то во второй части среди главных героев его уже нет, он только упоминается, или же в развитии и переплетении сюжетных линий принимают участие персонажи, знакомые читателю по произведениям основного цикла. Но тем не менее это все тот же «мир Павлыша», озаренный его лучшими человеческими качествами. Сам Булычев в предисловии к двухтомному изданию цикла так объяснил психологическую суть своего художественного замысла: «Я выбрал „Сегежу“, потому что мне хотелось, чтобы фантастическое, невероятное действие накладывалось на обыденность человеческого существования — люди мыслят и чувствуют схоже, и не надо выдумывать суперкосмонавтов будущего века; сила человеческих поступков заключается в том, что совершают их одинаковые люди — сто лет назад и через сто лет вперед».

Начало циклу было положено в 1968 году, когда создавался роман «Последняя война», ставший самым первым фантастическим произведением Булычева большой жанровой формы. В это время человечество не только увлеченно интересовалось активно развернувшейся эпопеей освоения космоса, но и проявляло все возрастающую обеспокоенность тревожной перспективой возможной ядерной войны, грозившей гибелью всему живому на Земле. Именно изображению успешной борьбы земных и инопланетных путешественников с последствиями ядерного апокалипсиса на планете Муне (чье название звучало так предостерегающе схоже со спутником Земли — Луной!) и был посвящен роман Булычева. Но «Последняя война» — это отнюдь не пропагандистская агитка, а настоящая литература, в основу которой был положен не риторический коммунистический пафос, а подлинно гуманистические идеи защиты человека от самоистребления. Разумеется, что Павлыш и его соратники сумели с честью выйти из трудных и опасных испытаний. Оптимистический финал романа должен был придать надежду на благополучное преодоление очередного витка гонки ядерных вооружений и недопущение ее перерастания в роковую войну, которая и в самом деле могла бы стать для всего человечества уже навсегда последней.

Вслед за романом «Последняя война» Кир Булычев написал в 1970 году повесть «Великий дух и беглецы», посвященную резкой критике теории так называемого «прогрессорства», которое отдельные представители цивилизаций, считающих себя высшими, готовы были насильственно навязывать более простым и наивным аборигенам других планет. Такое агрессивное «прогрессорство» (созвучие терминов, конечно же, отнюдь не случайно) норовило подчинить естественное развитие жизни искусственным научным концепциям, заставляя окружающих даже против воли участвовать в сомнительных и не слишком-то гуманных экспериментах. Решительное противодействие одному из таких самозванных «прогрессоров» как раз и пришлось оказать Павлышу, чей космический корабль потерпел катастрофу на отдаленной планете, жители которой стали объектами чужих опытов. Принявший искреннее участие в их судьбе Павлыш смог воодушевить первобытных дикарей идеалами человечности, выступив перед ними в роли великого духа, ратуя не за принудительный, а за добровольный контакт между столь отличающимися друг от друга цивилизациями. Следует вспомнить, что идея возможности мирного сосуществования различных систем общественного устройства была очень актуальна в ту эпоху, поэтому своей повестью Булычев внес лепту в разработку этой важной и злободневной проблемы.

Следующим произведением из цикла о космических путешествиях доктора Павлыша стала датированная 1972 годом очень грустная и драматичная по своему содержанию небольшая повесть «Половина жизни», в которой описывалась трагическая судьба простой русской женщины по имени Надежда, похищенной инопланетянами для своего экзотического «зоопарка» и обреченной на гибель вдали от родной Земли. Но Надежда оказалась не просто пассивной жертвой роковых обстоятельств — ей удалось помочь освободиться из неволи своим собратьям по несчастью, жителям другой планеты, которые в благодарность за ее самоотверженный поступок соорудили ей у себя посмертный памятник. Эта способность человека ценой самопожертвования спасти жизнь других дает надежду на преодоление в конечном счете жестоких бедствий и несправедливостей мира, так что имя героини — Надежда — становится символом настоящей человечности и гуманизма.

Небольшой рассказ «Садовник в ссылке» (1972) особенно интересен и показателен тем, что он в чем-то предвещает будущие произведения Булычева в жанре альтернативной истории. Энтузиаст-литературовед Гурий Ниц, не желающий смириться с утратой второго тома «Мертвых душ» Гоголя, на свой страх и риск совершает голово-

кружительное перемещение в прошлое, отчаянно пытаюсь спасти гениальный шедевр от сожжения.

О высоких альтруистических качествах человека подробно говорится и в еще одной повести из этого же цикла под названием «Белое платье Золушки» (1974); персонаж пролога к повести — Драч — добровольно согласился, во имя интересов науки, подвергнуться трансформации и стать биоформом, весьма некрасивым внешне, но исключительно благородным и душевно чистым, вызывая к себе явную симпатию автора и горячее сочувствие читателей.

Смысловым стержнем повести «Закон для дракона» (1975) стала идея о необходимости осторожно и бережно относиться к окружающему миру, чтобы случайно не нарушить хрупкой гармонии равновесия в системе живых организмов, населяющих космос. Нельзя бесконтрольно и бездумно вторгаться в природу — это чревато самыми негативными и непредсказуемыми последствиями. То, о чем сейчас с такой настойчивостью толкуют экологи, Булычев еще четыре десятилетия тому назад наглядно и выразительно воплотил в художественных образах своей фантастической, а на самом деле — провидческой прозы.

Особое место в цикле произведений о докторе Павлыше занимает повесть «Тринадцать лет пути», написанная в 1984 году. Согласно первоначальному авторскому замыслу, одним из ее главных героев был молодой курсант космического института по имени Павел, совершавший вместе с командой межгалактического корабля «Антей» длительный полет во времени и пространстве. Однако, по признанию Кира Булычева, постепенно не только имя персонажа, но и весь его образ невольно обрел черты Славы Павлыша, а повесть в конце концов превратилась в своеобразный пролог к дальнейшим приключениям и путешествиям столь близкого автору отважного и неунывающего доктора с «Сегежи».

Не смог обойтись Булычев без своего излюбленного героя и в центральном произведении цикла — романе «Поселок» (1984). Сам автор объяснил причину появления Павлыша во второй, финальной части романа так: «Когда я работал над второй частью повести „Перевал“, мне надо было придумать группу персонажей, как бы антиподов робинзонам Поселка. Это были люди чистые, сытые, культурные, умные, привыкшие использовать достижения цивилизации даже при освоении дичайших планет. Тут я понял, что Павлыш подходит для этой цели. И вот, после многолетнего отсутствия, чуть постаревший, но узнаваемый Павлыш возвратился в фантастическую повесть».

Да, конечно, именно «Поселок» является наиболее известным произведением цикла, хотя сам Павлыш играет здесь все-таки не самую главную роль. Широкой популярности романа способствовало много факторов. Прежде всего, надо назвать снятый по мотивам первой части романа оригинально оформленный мультфильм «Перевал», вышедший на киностудии «Союзмультфильм» в 1988 году. Автором сценария был сам Булычев. Несколько позднее им же был написан сценарий полнометражного художественного фильма, но, к большому сожалению, экранизация так и не состоялась, а сам сценарий, представляющий собой интересный вариант текста, остается до сих пор не опубликованным. Зато большими тиражами разошлись комиксы, воспроизводящие отдельные эпизоды романа и переплетение его сюжетных линий. Вот уж впрямь искусство пошло в массы, и это лишний раз подчеркивает повышенный и с годами ничуть не ослабевающий интерес к «Поселку».

А ведь у романа могло быть продолжение! Сам Булычев в последние годы своей жизни обдумывал творческие планы дальнейшего развития сюжета. «Я представлял себе, что действие должно происходить на той же планете, но герои уже выросли и, пожив в цивилизации, по разным причинам возвращаются обратно. И возвращаются они потому, что на планете открыты следы какой-то цивилизации, либо иная тайна, но для того, чтобы их найти, нужны „аборигены“, которые могут там выжить и остаться незамеченными», — писал Булычев в 1999 году в ответ на вопросы читателей. Увы, времени на реализацию этих замыслов ему не было отпущено судьбой. Зато уже после смерти писателя появилось немало его последователей, продолжателей и подражателей — авторов так называемых «фанфиков», активно создающих собственные варианты возможного развития событий, отталкиваясь от исходного текста «Поселка». Ну что ж, почему бы и нет? В конечном счете литература — это всенародное достояние, поэтому каждый, в меру желаний и возможностей, имеет право внести свой посильный вклад в литературный контекст современности. Вероятно, сам Кир Булычев нашел бы остроумные и ироничные слова по этому поводу.

Наконец, необходимо объяснить читателю, почему написанный Булычевым еще в 1982 году рассказ «Пленники долга» завершает первую часть этой книги.

«Пленники долга» — это первая часть более объемной главы, которая должна была войти в роман «Поселок», а точнее — тогда еще в повесть «Перевал». Но когда годом позже Булычев писал вторую часть романа — «За перевалом», то «Пленники долга» включены в нее не были: сюжет пошел по другому пути. Так и пролежали несколько

десятилетий первые главы «Пленников» недописанными и неотребованными. Сюжет их был прерван на полуслове, но первая часть вполне может считаться сюжетно законченным произведением. Уже после смерти автора она была найдена среди рукописей и опубликована, но в формате рассказа.

Во второй части книги, которую вы держите в руках, представлены ранние рассказы Кира Булычева, которые можно отнести к своеобразному «миру Павлыша»: «Так начинаются наводнения», «Хоккей Толи Гусева», «Пустой дом», «Красный олень — белый олень», «Снегурочка», «Загадка Химеры». Рассказы о Глебе Бауэре включены сюда отнюдь не случайно, поскольку этот яркий и выразительный персонаж играет одну из значимых ролей и в цикле о Павлыше. Только в одном рассказе Бауэра нет («Красный олень...»), но там упоминается Павлыш. По схожему принципу составлена и третья часть книги — цикл «Подземелье ведьм» и «Агент КФ», дилогия об агенте Космофлота Андрее Брюсе. В результате получилась аналогия с циклом братьев Стругацких «Полдень, XXII век», где собраны воедино все связанные общими персонажами произведения. При желании можно увидеть здесь типологические параллели со «Страной багровых туч», «Путем на Амальтею», «Стажерами», «Хищными вещами века». Так, например, в «Вещах» действует только Жилин, но ведь он — очень важный герой в предыдущих двух книгах. Подобно ему, и Глеб Бауэр не менее значимый персонаж из цикла о Павлыше, он почти как молодой Горбовский у Стругацких. И хотя цикл «Агент КФ» не совсем из той вселенной, где побывал Павлыш, но включение в книгу этих произведений, во-первых, должно порадовать тех читателей, кто с жадным любопытством следит за булычевским творчеством, а во-вторых, покажет развитие художественных вариаций индивидуальной писательской манеры Булычева, его видение и понимание особенностей космической фантастики.

Однако Кир Булычев был не только писателем-фантастом, но также ярким, самобытным, остроумным и тонким поэтом, настоящим мастером пейзажной, философской, любовной лирики, а еще и автором шуточных текстов песен для кинолент и мультипликационных фильмов и очень веселых, а порой лукаво-ироничных стихотворений для детей. Его исторические поэмы и лирические миниатюры непременно должны получить высокую научную оценку при подведении итогов развития русской поэзии второй половины XX века.

Кроме того, Киру Булычеву было присуще оригинальное художественное видение мира. Поэтому отнюдь не случайно он был не только

писателем, но и талантливым художником — с детства серьезно увлекался живописью, освоив и акварель, и графику, писал лирические пейзажи и натюрморты, а также очень выразительные автопортреты и шаржи. Он был одним из крупнейших специалистов по фалеристике — науке о наградах, в 1992–2003 годах входил в Государственную комиссию по наградам, опубликовал много научных трудов по этой теме. Ему удалось дать тщательный анализ возникновения и развития системы наград в мире. Об этом подробно рассказано в его книге «Беседы о фалеристике» (неоднократно издававшейся под еще одним псевдонимом — И. В. Всеволодов).

Жизненный путь Игоря Всеволодовича Можейко (а вместе с ним и творческий путь Кира Булычева) завершился 5 сентября 2003 года. Он похоронен в Москве на Миусском кладбище. Но, к счастью, это такой писатель, который останется надолго, если не навсегда, во всемирной литературе. Каждый год издаются и переиздаются его произведения. Некоторые из них были опубликованы посмертно: в частности, большой увлекательный роман «Убежище», задумывавшийся как русский аналог серии о Гарри Поттере, а также начальные главы оставшегося недописанным полуавтобиографического, полуфантастического романа «Другое детство», события которого разворачиваются в послевоенной Москве, и, к сожалению, так и не заверченный роман «Покушение» из цикла «Река Хронос».

Кир Булычев по-прежнему входит в число любимейших читателей авторов фантастической литературы. Еще при жизни он был удостоен многих литературных и кинематографических премий за свой значительный вклад в развитие фантастики. Теперь в память о нем на ежегодном фестивале фантастики «РосКон» в Москве вручается приз «Алиса» за лучшее фантастическое произведение года для детей. Кир Булычев был по-настоящему добрым человеком, со светлой душой и любящим сердцем, поэтому в его честь учреждена еще и специальная мемориальная премия его имени — за высокий литературный уровень и человечность, проявленную в произведении, — то есть за добрую фантастику, служащую объединению людей и способную сделать реальный мир хотя бы немножко добрее.

*Михаил Манаков,
Кирилл Ратников*

Последняя война

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ ПУТИ

1

Сто шесть лет назад корабль «Антей» покинул Землю.

И как ни велика его скорость, как ни ничтожно сопротивление космического вакуума гигантской пуле, траектория полета которой соединяет уже неразличимую даже в самый мощный телескоп Землю и альфу Лебеда, путь займет в общей сложности сто девятнадцать земных лет.

Сто шесть лет миновало на Земле с того дня, как семьдесят шесть космонавтов, в последний раз взглянув на голубое небо, на пух облаков и зелень деревьев, вошли в планетарные катера, и те взмыли вверх, где на высоте полутора тысяч километров, на постоянной орбите их ждал «Антей».

Подлетая, они могли оглядеть этот дом издали. Одному космический корабль казался неуклюжим насекомым, другому напоминал сломанную детскую игрушку. «Антею» никогда не придется снижаться на Землю или на другую планету. Ему суждено было родиться в космосе, где его собрали, и умереть там. Поэтому конструкторы создавали его без оглядки на сопротивление среды. Непривычному глазу он представлялся нелогичным совмещением колец, труб, шаров, антенн и кубов.

Пока корабль набирал скорость — а разгон его занял месяцы, — экипаж «Антея» мог видеть Землю. Сначала она занимала половину неба, но постепенно превращалась в тускнеющую точку среди миллионов подобных ей и более ярких точек...

Так начался путь. Прошло сто шесть лет.

Еще через тринадцать лет «Антей» достигнет цели.

Павлыш миновал двадцать четвертый резервный коридор и остановился перед дверью в оранжерею. Оранжерея была заброшена лет пятьдесят назад, и, кроме механиков, сюда никто не заходил.

Дверь сдвинулась не сразу. Словно ее механизм забыл, как открываться.

Когда Станцо рассказывал о заброшенной оранжерее, Павлыш представлял, что увидит пышные джунгли, заросли лиан и странные цветы, свисающие с крон.

Оранжерея была тайной, открытием. Путешествие к ней — более часа ходьбы по пустым коридорам и залам корабля — подготавливало к тайне.

Путь оказался обыденным.

Где-то на полдороге он встретил робота-уборщика, а в шаре «Д» попал в область использованных складов — они были слабо освещены, пустые коробки и контейнеры громоздились в гулких залах.

Здесь царило запустение. Краска стен, теоретически вечная, поблекла, листы пластиковой обшивки кое-где отстали. Пахло теплой пылью.

Павлыш никак не мог отделаться от ощущения, что пустота следит за ним. Что у нее есть глаза.

Корабль был населен памятью.

Он был самым старым кораблем Земли. Ему было более века.

За эти годы на Земле изобрели новые сплавы и источники освещения, даже коробки и контейнеры были бы иными, если бы «Антей» отправился в путь на сто лет позже. Все было бы иным.

Корабль был не дряхлым, но очень старым. Он был рассчитан на то, что проведет в космосе многие десятилетия. И все равно состарился.

И постепенно пустел.

Один за другим освобождались его склады, закрывались дальние помещения и коридоры — в них уже не было нужды. В тот день, когда Павлыш отправился разыскивать заброшенную оранжерею, на борту было вдвое меньше людей, чем сто шесть лет назад. Жилая, действующая часть корабля с каждым годом съеживалась. Так пустеющую деревню осаждает лес, занимая уже ненужные поля и покосы.

Павлыш открыл дверь в оранжерею и был разочарован, потому что никаких буйных джунглей там не оказалось.

Длинные сухие грядки.

Среди высохших стеблей — колючие кусты. Бурая трава у ног, плети выродившегося гороха ползут по стенам, кое-где на пыльных лабораторных столах остались колбы и пробирки — много лет назад кто-то ставил здесь опыты. Теперь же хватает оранжереи в шаре «В».

Стебли зашуршали, вздрогнули.

Что-то серое метнулось в дальний конец оранжереи. Павлыш отпрянул назад. Никого не могло быть на корабле. Никого лишнего.

Он отскочил за дверь и нажал кнопку. Сначала надо изолировать помещение. Затем вызвать помощь. Все, что неизвестно, непонятно — может быть опасно. Не только для Павлыша — для всего корабля.

Дверь нехотя задвинулась. Павлыш стоял один в очень тихом коридоре. Ровно светился потолок.

Он был на корабле, куда ничто не могло проникнуть снаружи. Тому, что он видел, должно быть реальное объяснение.

Хорош он будет, если прибежит к Станцо и скажет, будто видел что-то в заброшенной оранжерее. А что? Что-то.

Тогда Павлыш снова открыл дверь.

Закрыв ее за собой. Чтобы это Непонятное не смогло выбраться наружу. Затем осторожно пошел вперед.

Он старался не наступать на грядки. Керамические плитки пола похрустывали под ногами. Некоторые легко выпадали. В оранжерее стоял неприятный тухлый запах.

В двух шагах от того места, откуда выскочило нечто, Павлыш замер.

Метрах в десяти была округлая стена — конец оранжереи.

И тогда он увидел.

Там, в сплетении ветвей, сидели две серые кошки.

Они смотрели на него в упор, разумно и настороженно. В полумраке — здесь освещение было куда слабее, чем у входа, — их глаза горели желтым злым огнем.

— Еще чего не хватало, — сказал Павлыш вслух. Надо было догадаться с самого начала.

Когда-то кто-то решил, что на «Антее» нужны животные. Домашние. Такие, что не будут много есть, но скрасят одиночество людей.

И на корабле появилась кошачья семья.

И хоть за ней следили, старались контролировать численность этого племени, уже не в первый раз в отдаленных уголках корабля обнаруживались нелегальные, неучтенные кошки.

Кошкам надо чем-то питаться. Значит, они освоили вентиляционные ходы, и оранжерея не была так изолирована, как казалось.

— Живите, — разрешил кошкам Павлыш.

Он нагнулся, вытащил из земли бледный, почти белый стебелек.

Какая-то жизнь все же теплилась. Надо будет сказать Христе, пускай сюда заглянет.

Больше никаких привидений в оранжерее не было.

Привидения — часть корабельного фольклора. За сто с лишним лет на корабле обязательно должен возникнуть фольклор.

В глубине души Павлышу хотелось увидеть привидение. Это не означает, что он верил в подобную чепуху. Но когда корабль так стар и бесконечен, должно же в нем таиться что-нибудь необыкновенное.

3

Павлышу не хотелось возвращаться в жилую часть корабля.

Там сразу найдутся дела. А когда еще удастся повторить это неспешное путешествие?

Павлыш пошел от оранжереи к соединительному туннелю, по которому можно выйти во Внешний сад. И через него уж вернуться обратно.

По дороге он заглянул в бывшую библиотеку. Когда-то часть жилых кают находилась в этом секторе корабля, и филиал библиотеки размещался поблизости от них.

В библиотеке стоял другой запах — запах пленки. Ячейки для микрофильмов и видеолент были раскрыты. В некоторых остались ленты.

Павлыш знал почему. Когда библиотеку перевозили, те кассеты, что дублировались в главной, брать не стали.

Павлыш понимал, что и здесь его не ждут открытия, но все же потратил несколько минут, читая надписи на кассетах.

И не зря.

В одном из ящичков он нашел восьмую, шестнадцатую и двадцатую серии «Подводного мира», которых в главной библиотеке не было.

Потом отыскал несколько кассет без этикеток. Их он тоже захватил с собой.

Минут через двадцать он достиг соединительного туннеля и остановился перед лифтом.

Здесь было светлее, сюда иногда заходили.

Лифт поднял Павлыша на несколько ярусов вверх, что было условным понятием, так как низ — всегда центр корабля, верх — его внешние помещения. Гравитационное поле, создаваемое двигателями, таилось в центральном шаре.

Зал отдыха перед входом во Внешний сад тоже был пуст.

В бассейне голубоватым зеркалом застыла вода. Настолько ровная и неподвижная, что Павлышу захотелось нарушить эту неподвижность. Он сунул руку в карман. В карманах у Павлыша всегда есть что-нибудь лишнее. Пальцы нащупали металлический шарик. Павлыш швырнул его в бассейн. Зеркало вздрогнуло, плеснуло столбиком воды и разбежалось кругами, облизывая борта бассейна.

Вот так-то лучше.

Низкие мягкие диваны скобками тянулись вокруг бассейна. Павлыш с размаху прыгнул на диван, неудобно сел на сумку с кассетами, что тащил из библиотеки. Диван ожил, стараясь примериться к телу Павлыша.

Павлыш представил, что он на «Наутилусе». В нем, где-то в недрах, живет последний его обитатель, старый капитан Немо.

А может быть, это «Мария Целеста»? Неожиданная беда обрушилась на шхуну. Почему-то все покинули корабль, все до последнего человека. И кастрюля на плите еще теплая.

Нет, он на необитаемом острове. Вот он, темный лес, за стеклянной стеной. Высоко справа в стене серый круг. Заплата.

Когда Павлыша еще не было на свете, во Внешний сад «Антея» угодил метеорит. Это бывает с кораблями. Хотя над метеоритной защитой «Антея» думали лучшие умы Земли — ни одна крошка материи не должна была дотронуться до корабля: слишком высока цена, — все же шестьдесят лет назад «Антей» попал в мощный метеоритный поток. Настолько мощный, что один из камней достиг корабля.

Метеорит пронзил внешнюю прозрачную, тонкую стенку сада.

Затем пробил вторую стенку, отделяющую сад от Зала отдыха.

Затем миновал еще три перегородки и вылетел наружу.

Происшествие стоило жизни двум космонавтам, которые в тот момент были в Зале отдыха. Павлышу рассказывали, что они играли в шахматы.

И Внешний сад погиб. Он погиб так быстро, что не успел измениться.

Павлыш подошел к стеклянной стене.

Когда-то сад любовно собирали, создавали на Земле как то место, где космонавты в невероятной дали от дома могут ощутить и летнюю ночь, и запахи земного леса.

Под прозрачным высоким куполом толпились березы и ели, кусты роз и орешника, а дальше, где поддерживалась температура повыше, возвышались пальмы.

После ремонта тогдашний капитан «Антея» решил не подключать сад к системе отопления. Иначе бы, отогревшись, деревья и кусты сгнили. А так они остались стоять замерзшими памятниками деревьям и цветам. Если не знаешь, что случилось здесь шестьдесят лет назад, может показаться, что за стеклом начинается настоящий лес.

4

И Павлыш представил себе бесконечный ночной лес. Теплый влажный воздух, в котором покачиваются пряные тяжелые запахи, где шуршание падающих листьев так же осторожно и почти беззвучно, как шаги волка. Лишь иногда треснет сухой сук или смело ступит на грудку валежника ничего не боящийся медведь.

Громкий плеск, удар, почти грохот обрушился на тишину зала. Взрыв?

Павлыш резко, всем телом обернулся, прижавшись при этом спиной к прозрачной стене. Сила тяжести на корабле мала, вдвое меньше земной, и оттого даже самые резкие движения замедленнее. Мозг уже закончил поворот тела, а оно все еще не может остановиться.

Брызги воды вылетели на пол зала.

Длинная зеленая тень, словно тень крупной рыбы, скользила под взбаламученной голубой водой.

Коротко остриженная девичья голова пробила воду, девушка раскрыла глаза, смахнула рукой воду с ресниц.

— Испугались? — крикнула она. — Я нарочно тихо разделась и потом — как прыгну!

Павлышу стало неловко, что девушка могла увидеть его испуг. Но нет, когда он обернулся, она была еще под водой.

Девушка перевернулась на спину. На ней был зеленый купальник.

Вода в бассейне успокаивалась медленно и солидно, словно бассейн был наполнен маслом.

— Вода здесь удивительная! — сказала девушка. — Я каждый день купаюсь. Вы не пробовали?

— Еще нет.

Он не видел эту девушку раньше. Вчера был такой сумасшедший день. А сегодня он отправился в путешествие по кораблю.

Девушка подплыла к бортику.

— Я тоже иногда прихожу сюда специально, чтобы поглядеть на этот лес. Но я всегда знаю, что он мертвый. Видно, у меня плохо развито воображение.

Павлыш вернулся к диванам и сел.

— Я вас вчера не видел.

— Когда вы прилетели, я была на вахте. Меня зовут Гражиной.

— Я кошек видел. В пустой оранжерее.

— Вот где никогда не была, — сказала Гражина. — Я не романтик.

В голосе ее прозвучала снисходительность к новичку.

Девушка снова нырнула, быстрее, чем Павлыш успел придумать достойный ситуации ответ.

Когда она вновь появилась на поверхности, Павлыш спросил:

— Вы биолог?

— Гравитация, — ответила Гражина.

— А как вас называть, если коротко?

— Гражина мне нравится, — сказала она. — Короче не надо.

— Длинно.

— Ничего, не успеете утомиться. Я завтра улетаю.

Гражина подплыла вновь к бортику. Павлыш увидел, какие у нее длинные пальцы. Просто удивительные длинные пальцы. А ногти обрезаны коротко.

На щеке, под левым глазом, тонкий шрам. Губы мягкие и подвижные. Уголки их все время вздрагивают.

Глаза Павлыша выхватывали детали лица, фигуры — кусочки мозаики строились в портрет, который, если бы они остались на корабле еще надолго, не имел бы почти ничего общего с первым впечатлением.

— Этот год, — сказала Гражина, — пролетел мгновенно. Честное слово. Где-то в середине стало тоскливо — все-таки мы очень оторваны. А сейчас — вы не представляете, как не хочется улетать.

— А если бы вам предложили — оставайтесь еще на срок?

— Нет, не осталась бы, — ответила Гражина.

Тут Павлыш понял, что у нее зеленые глаза. Темные мокрые ресницы затеняли их, и потому они сначала показались Павлышу куда темнее.

— Жаль, — сказал Павлыш. — Чем больше народу, тем интереснее.

— И без меня достаточно, — возразила Гражина. — Сколько в вашей смене?

— Тридцать два.

— В нашей было тридцать шесть. Но мне не повезло.

— Ага. — Павлыш сразу сообразил, что она имела в виду.

Еще тринадцать лет «Антею» лететь до звезды. Еще тринадцать смен. Тринадцатая будет самой счастливой. Именно тем космонавтам будет суждено спуститься на планету, завершить труд тысяч людей и полутораста лет.

— Ничего, — сказал Павлыш. — Мы с вами будем еще не очень старыми. Мы там обязательно побываем.

— Там нам нечего делать, — сказала Гражина. — На планете нужны совсем другие специалисты.

— Почему? Двигатели будут нужны. И кабины будут нужны.

— Вы кабинщик?

— Медик-кабинщик.

— Редкое сочетание. Какой курс?

— Четвертый. А вы?

Гражина вылезла из воды.

— Дайте полотенце, — сказала она.

Полотенце лежало рядом с Павлышом.

Тот быстро поднялся, протянул полотенце. Она начала вытирать волосы, и Павлыш понял, что глаза у нее не просто зеленые, а очень зеленые.

— Я уже старуха. Я в аспирантуре. Мне двадцать три года.

— Ну и что? Разница в три года. Несущественно, — ответил Павлыш.

Гражина засмеялась. Она так сильно смеялась, что руки с полотенцем опустились, и Павлыш увидел, как изменилось ее лицо. Мокрые волосы, что прижимались к голове, сейчас, подсушенные полотенцем, превратились в пышную гриву. И лицо стало меньше. Только глаза не уменьшились.

Она бросила полотенце на диван, взяла оттуда халатик, накинула его, сунула ноги в туфли.

— К обеду не опаздывайте! — сказала она. — Сегодня прощальный обед.

— Ну что вы!

— Не забудьте сумку. Что там у вас?

Гражина была бесцеремонна, но Павлыш не обижался.

Ее бесцеремонность была личной связью между ними.

Только человек, который тебе не чужой, может спросить, что у тебя в сумке.

— Я был в пустой библиотеке, — признался Павлыш, — и взял там кассеты.

— Я тоже раньше туда ходила. Все наши ходили. Я подозреваю, что когда-то там нарочно оставили массу интересных кассет, чтобы устроить нам дополнительное приключение. Что вы взяли?

Павлыш пожалел, что не взял ни одной книги Достоевского или Маркеса.

— Так, — сказал он, — приключения.

— «Звездный рейс»?

— «Подводный мир». Я пропустил несколько серий.

— Не смущайтесь, курсант. Я не спросила, как вас зовут.

— Слава. Слава Павлыш.

— Вот видите, Гражина вам не нравится, а Слава мне нравится. Так вот, Славик, я должна вам признаться, что сама еще два месяца назад вытащила из той библиотеки третью и четвертую серии «Подводного мира», несмотря на мой почтенный возраст и солидность.

— Вы не производите солидного впечатления.

— Я стараюсь.

5

Они спустились на лифте к центральному шару, потом Гражина побежала к себе в каюту переодеваться.

Павлыш прошел к кабинам.

Обычный корабль имеет два центра: пульт управления и двигательный отсек.

На «Антее» было три центра. Помимо двух обычных, там были «кабины».

В обыденности этого слова была извечная попытка причастных к грандиозному делу снизить пафос причастности.

В космическом институте, который имел счастье заканчивать Павлыш, шла давнишняя и безнадежная война между профессорами, для которых уважение к правильной терминологии означало уважение к предмету изучения, и курсантами, которые даже на экзаменах не могли одолеть простых слов «телепортационные ретрансляторы».

К таким курсантам относился и Павлыш, который был хорошим, в меру старательным и в меру способным студентом, достаточно хорошим, чтобы попасть на «Антей» — предмет мечтаний многих поколений студентов.

По законам изящной словесности автор, дабы не привлекать к себе внимания читателей, должен на этом этапе рассказа заставить своего героя — Павлыша — по пути к «кабинам» продумать все, что положено знать читателю.

К сожалению, в данный момент ничто на свете не могло бы заставить Павлыша думать о проблемах, истории и перспективах телепортации, так как он с каждым шагом все больше проваливался в сладкую пропасть влюбленности, притом влюбленности, обреченной на разлуку, что всегда усиливает чувство.

За невозможностью использовать монолог Павлыша, автор вынужден сам поведать о предмете беседы.

К сожалению, для физиков и пилотов даже к двадцать третьему веку путешествие со скоростью большей, чем скорость света, оказалось прерогативой фантастов. Прыжки сквозь изогнутое пространство и подобные изобретения мечтателей пока не стали реальностью. Законы природы обмануть не удалось. Следовательно, за освоением планет Солнечной системы наступила пауза, которая грозила затянуться навечно. Звезды были недостижимы, так как путь к ним требовал сотен лет полета. Технически возможно было построить корабли, которые выдержали бы столь долгое путешествие, но нельзя было придумать бессмертного человека. Разумеется, мечта о выходе к звездам, к иным цивилизациям, существование которых оставалось лишь теоретическим допущением, продолжала беречь воображение. Проекты, разработанные мечтателями еще в двадцатом веке, рассматривались и обсчитывались, но не осуществлялись. Можно было построить гигантский корабль, снабдить всем необходимым, чтобы экипаж существовал в нем многие десятилетия. Чтобы космонавты рождались, росли, учились и умирали на борту корабля. Сто, двести, триста лет в пути...

Добровольцам, идущим на это, предлагалась пожизненная тюрьма, причем тюрьма, доведенная до абсурда, — тюрьма не только для них самих, но и для их детей и внуков. К тому же можно было вычислить, что в подобном путешествии экипаж, как бы ни был к этому подготовлен и готов жертвовать собой и своим потомством, неизбежно деградирует, как деградирует любое человеческое сообщество, оторванное от остального человечества. Цель не оправдала жертв.

Теоретически и даже практически был возможен и другой вариант. После отлета с Земли экипаж корабля погружался в анабиоз, из которого выходил к моменту высадки у дальней звезды. То же делалось и на обратном пути.

Таким образом тюрьма оставалась тюрьмой, однако заключенному давали возможность проспать бесконечно длинный срок и даже выйти на свободу.

Но жертвы, которые приносил экипаж, все равно оставались слишком большими. Ведь космонавты должны возвратиться домой

через триста лет. То есть они никогда не увидят Землю такой, какой она была при их жизни, никогда не смогут по-настоящему найти своего места в этом мире, как не смог бы найти его современник Ньютона или Наполеона.

Но открытие телепортации, которое произошло, когда люди научились пользоваться гравитационными законами, изменило ситуацию и позволило вернуться к этой проблеме.

Сначала смогли передать грамм вещества на расстояние в десять сантиметров. Затем белая мышь — вечный мученик научного прогресса — была разложена на атомы и собрана вновь в соседнем городе, после чего она облизнулась и принялась глотать кусочек сахара. Наконец 4 августа 2198 года Бисер Симонян вошел в кабину телепортационного центра в Пловдиве и вышел — живой и здоровый — из такой же кабины в Бомбее.

Так как в телепортации используются гравитационные волны, распространяющиеся буквально мгновенно, ограничения в переброске объектов обуславливались лишь энергетическими мощностями и максимальной емкостью кабины.

В течение пятидесяти ближайших лет кабины были установлены по всей Земле и на планетах Солнечной системы¹. Космические корабли, разумеется, остались, так как на их долю выпали перевозки крупных грузов, руд, сырья. Кабины не только невелики. Они так и не стали и вряд ли станут дешевым удовольствием.

Кабины открыли путь к межзвездным путешествиям. Если отправиться в бесконечно длинный полет космический корабль, но снабдить его при этом кабиной для телепортации, то экипажу нет нужды оставаться на борту сто лет. Через определенный срок экипаж можно сменить.

Так появился «Антей».

Первый его экипаж после года работы вернулся на Землю, уступив место другим космонавтам. Причем в течение того же года кабины несколько раз вступали в действие. На корабль прилетала комиссия из ООН, дважды вывозили больных, к тому же туда доставляли некоторые продукты, почту и приборы.

¹ Возможность мгновенно переправиться в любую точку Земного шара и парадокс, заключающийся в том, что стало быстрее добраться от Парижа до Рио-де-Жанейро, чем от центра Парижа до Версаля, изменили не только скорость сообщений, но и сам порядок жизни. Если ты можешь жить в Москве, а работать на Марсе, ты психологически коренным образом отличаешься от человека двадцатого века.

Итак, за сто шесть лет полета на борту «Антея» сменилось сто экипажей.

Правда, с каждым годом связь с кораблем становилась все труднее. К этому были готовы, и это даже предусматривалось при создании корабля.

Ведь хотя гравитационные волны распространяются бесконечно, потребление энергии с расстоянием растет.

Наука продолжала развиваться, появились новые источники энергии, и возможности Земли также увеличивались. Правда, приходилось ради экономии энергии и припасов на борту «Антея» постоянно уменьшать экипаж, и к тому дню, когда курсант Слава Павлыш попал на «Антею», там оставалось лишь тридцать человек. К звезде долетит и того меньше. Очевидно, окончательное число членов экспедиции окажется немногим более десяти. И среди них уже не будет курсантов. «Антею» же суждено кончить свои дни на орбите у далекой планеты. Постепенно, если там образуется человеческая колония, его разберут, используя на постройки.

За сто с лишним лет путешествия «Антея» стал частью земной истории. Павлыш, еще находясь на Земле, знал и о кошках, которые расплодились в пустых складах, и о заброшенной библиотеке, и о бассейне с голубой водой. Он тысячу раз видел корабль в фильмах и изучал его на специальных занятиях, как делали это и его учителя, и учителя его учителей, которые работали на «Антее».

Но все его обитатели в конце концов возвращались домой. Как моряки из дальнего, но не бесконечно дальнего плавания. Кроме тех, кто умер или погиб в пути. Их было немного, шесть человек.

6

Очевидно, зал телепортации, если из него вытащить всю начинку, был бы грандиозен. Но за последние сто лет никто не видел его стен.

Кабины на Земле были куда скромнее — в конце концов, всегда можно было вызвать ремонтников. Здесь же все системы были дублированы и передублированы, и запас надежности был в несколько раз выше теоретического. В сущности, этот центр был главной причиной существования «Антея».

Павлыш легко прошел сквозь путаницу коридорчиков, проложенных между молчащих, но живых машин. Улицы и закоулки этого зала были известны Павлышу наизусть: ночью разбуди, вели проверить 50-й блок — с закрытыми глазами найдет дорогу.

Ясно почему: в институте стоит тренажер — точная копия и в таком точно зале. Тренажеру столько же лет, сколько оригиналу.

Студенту положено знать тренажер как свои пять пальцев. Если повезет, то он увидит когда-нибудь кабины «Антея».

Помимо долга, отличное знание студентами этого дремучего зала объяснялось иной традицией: зал был самым укромным местом в институте, его лесом, его парком, его лабиринтом. И никому не сосчитать, сколько судебных изменений, погублено или спасено в его полутемных закоулках, сколько здесь произошло решительных объяснений, задушевных разговоров, случайных встреч, драматических расставаний. Да и сам Павлыш всего месяц назад услышал решительное «нет» в тесном отсеке между блоком 8-Е и макетом энергонакопителя. После этого Павлыш прогулял два дня, несмотря на то что решалась его судьба — лететь или не лететь. Когда вернулся, выслушал справедливый выговор декана и в наказание все воскресенье пылесосил зал. Декан, сам бывший антеевец (тридцать лет назад он провел на нем тринадцать месяцев), полагал, что самое полезное для студента — это познавательное наказание. Разумеется, декан не говорил студентам, что его жена, сама генный конструктор, ныне солидная дама, сказала ему «может быть» именно у блока 8-Е.

Макеты блоков в институте были немые. Блок на «Антее», если приложить ухо к его теплому матовому боку, низко жужжал, как далекий шмель.

И Павлыш понял, что институт так далек, словно он, Павлыш, летит на «Антее» уже сто седьмой год.

Доктор Варгези сидел на неудобном высоком вертящемся стуле у стойки с пробирками. Он контролировал плотность и состояние раствора.

За его спиной находилась ванна — свинцового цвета шар. От нее тянулась к Земле незримая нить. Там, на другом ее конце, дежурный проверит, плотно ли прилегает к тебе одежда, нет ли в карманах металлических вещей, затем выпустит тебя в раскрытое чрево кабины, напоминающей вспоротый кокон — как будто ты куколка. Студенты называли кабину «испанской вдовой». Это доказывало, что кто-то из них читал историю инквизиции. «Испанская вдова» — изощренное орудие пытки. Она напоминает поставленный на попа саркофаг, утыканный гвоздями — остриями внутрь. Когда человека ставили внутрь, а затем закрывали половинки «вдовы», острия гвоздей вонзались в тело несчастного.

Здесь гвоздей не было. Но были захваты.

Отправляемый объект следовало очень четко зафиксировать.

Информация о его габаритах, массе и весе уходила на приемную кабину заранее — за несколько сотых долей секунды до переброса.

Когда ты через мгновение — субъективно оно могло показаться вечностью — оказывался, допустим, в Антарктиде, то «испанская вдова», в которой ты приходил в себя, так же туго сжимала тебя в гибких, упругих захватах. От этого всегда возникало ощущение того, что никакого перелета не было.

На «Антее» кабина выглядела иначе. Здесь во избежание ошибок, опасность которых резко увеличивалась с расстоянием между передающей и приемной кабинами, человек должен был погрузиться в ванну с тягучим киселеобразным раствором — ни о какой одежде и речи не было. Вещи неорганические шли через вторую кабину, грузовую, в небольших контейнерах. Размеры кабин ограничивали возможности снабжения корабля. За сто лет на Земле научились сооружать более крупные кабины, но на «Антее» оставалось, естественно, старое оборудование.

Доктор Варгези, прямой начальник и руководитель практики Павлыша, проверял плотность раствора — его состав должен абсолютно соответствовать составу в земном Центре. А после каждого запуска неизбежно происходили микроизменения от контакта с человеческим телом.

— Ты чего пришел? — спросил доктор. — Тебе еще рано.

— Я себя хорошо чувствую, — ответил Павлыш. — Я был в старой библиотеке и в пустой оранжерее. И в бассейне.

— Зря мне об этом рассказываешь, — сказал доктор. — После космического переноса следует отдыхать в течение суток.

— Я, честное слово, себя хорошо чувствую. А когда Макис прилетит?

Макис был сокурсником. Их двоих отобрали с курса для стажировки на «Антее».

— Ты же знаешь, — Варгези поправил белую шапочку, которую, как утверждали, он не снимал даже ночью, скрывая лысину, — у них, как всегда, неразбериха. Я жду Макиса, а перед сеансом идет информация — ждите биолога До До Ки, который оказывается бирманской женщиной средних лет. А я вообще ее не встречал в списках. Ты же знаешь.

Павлыш не стал спорить, хотя знал, что Варгези преувеличивает.

— Я диких кошек видел, — сказал Павлыш.

— Я бы не удивился, если бы здесь водились удавы, крокодилы и летучие мыши. Ископаемое чудище, а не корабль. Если он добе-

рется до цели, это будет такая развалина, что стыдно показаться на люди.

— Вы думаете, что «Антей» развалится?

— Курсант, ваши шутки неуместны. С «Антеем» ничего не случится. Хотя, конечно, надо было еще пятьдесят лет назад вернуть его на Землю.

— Почему?

— Современные корабли передвигаются вдвое быстрее.

— Так это современные. — Павлыш поймал Варгези на логической ошибке и обрадовался.

Остроносый Варгези ему не нравился. Он умел находить дурное в любой светлой вещи. Конечно, психологически — психологию Павлыш проходил — в большом коллективе желательно разнообразие эмоциональных типов. Вернее всего, Варгези попал сюда именно для разнообразия. Но он надоел Павлышу уже в Центре подготовки на Земле, где они оказались в одной комнате.

— А кабины? — Варгези никогда не сдавался в спорах. — Это же прошлый век!

— В них многое заменено.

— В такой кабине я бы не рискнул отправиться к маме в Милан.

— Но отправился сюда.

— Они работают на пределе. Я не удивлюсь, если кабина откажет. И ты понимаешь, что это значит?

— Вряд ли нас отправили бы сюда, если это так опасно.

— Речь идет о тщеславии целой планеты. — Варгези почесал переносицу. Когда он сердился — всегда почесывал переносицу.

«А что я делаю, когда сержусь?» — подумал Павлыш. Никогда не приходило в голову.

— Тщеславию человека можно поставить предел. Всегда есть кто-то над ним. Общество, государство. Но жертвой тщеславия целой планеты может стать не только дряхлый корабль — целый континент. «Антей» давно уже не корабль, а символ. Символ нашего всеислия, символ нашей гордыни. Мы, видите ли, бросили вызов Галактике! Нам не страшны расстояния! А разум молчит! Зачем нам этот «Антей» и это путешествие, которое потеряло смысл задолго до его завершения?

— Вы же знаете, что это не так.

— Докажи, юноша. — Движения Варгези оставались размеренными и сдержанными. Он зафиксировал результаты анализа, слил пробирки, отнес их к мойке, потом снял халат, тщательно сложил его. — Докажи мне, что мы с тобой не жертвы тщеславия очень

многих людей, каждый из которых бессилён, однако представляющих вместе эфемерную субстанцию — мнение планеты!

— Но сколько сделано за эти годы. — Павлыш вдруг почувствовал себя на экзамене. — Сколько опытов, открытий. Сколько ещё будет сделано! В конце концов, даже если корабль не долетит, само путешествие — это уже великое событие! Вы же знаете, что мы долетим. И установим там, на планете, кабину.

— А планета будет пустая!

— Пустых планет не бывает! Эта кабина будет первой станцией в Галактике — мы сможем переноситься за миллиарды километров так, словно остаемся на Земле.

— Пустая кабина на пустой планете!

Павлыш развел руками.

Станцо, который вошел в отсек и, видно, стоял все это время неподвижно, вмешался в спор.

— Джованни, — сказал он физиологу, — не смущай молодежь.

— Пускай закаляется.

— Что тебя ест?

Станцо — шеф телепортационного центра. Он раньше работал вместе с Варгези. Станцо — редкое исключение на корабле. Он здесь второй раз. Он уже отбыл одну вахту шесть лет назад.

— Энергетический предел, — ответил Варгези. — Ты же знаешь.

— Об этом думают люди, которые умнее нас с тобой.

— Умнее нас с тобой никого нет, — возразил Варгези. — И я утверждаю, что весь этот эксперимент полетит к чертовой бабушке.

— Ладно, не будем об этом.

И Павлышу показалось, что Станцо не хочет вести этот разговор при студенте. Как бы подтверждая подозрения Павлыша, Станцо сказал:

— Если ты не устал, отправляйся в кают-компанию. Там нужны молодые крепкие руки.

— Зачем?

— Вернее всего — резать салат.

7

За сто лет «Антей» оброс традициями, как днище парусника ракушками.

Одной из традиций, хранимой свято, был Двойной Обед.

Пересменка на «Антее» проходила в течение недели. По мере того как на корабль прилетали новые члены экипажа, «старики» ухо-

дили на Землю. Наступал момент, когда примерно половина «стариков» уже возвратилась на Землю, а половина «новичков» оказывалась на корабле. И в этот день, третий день пересменки, происходил Двойной Обед.

Двойной, потому что он проходил одновременно на Земле, в Центре управления, и на корабле. На Земле половина новичков угощала тех, кто вернулся с «Антея». На «Антее» старожилы чествовали тех новичков, которые туда перебрались. Обеды начинались одновременно.

Никто, кроме двух экипажей, на обеде не мог присутствовать.

Качество угощения было делом чести.

К обеду готовились загодя, неделями.

О некоторых наиболее удачных обедах слагались легенды.

Десять лет назад смена на «Антее» умудрилась вывести устриц.

Это был выдающийся биологический эксперимент.

Устрицы выводились в искусственной морской воде и должны были вырасти до нужных габаритов за несколько месяцев.

Устрицы подавались тогда на закуску. Мало кто их ел, но поражены были все.

На этот раз обед был шикарным, но не невероятным.

Павлыш пришел в кают-компанию скорее в надежде увидеть Гражину, чем обуреваемый желанием помочь по хозяйству. Но Гражины он не нашел: оказывается, она сдавала дела сменщику. Вскоре из кают-компании Павлыша выгнали — его присутствие там было нарушением традиции.

Тогда Павлыш пошел на нарушение дисциплины. Небольшое нарушение, но тем не менее недопустимое. Он отправился в гравитационный отсек.

Путь туда занял довольно много времени. Хоть расположение помещений корабля Павлышу было известно, в действительности все выглядит совершенно иначе, чем на снимках или планах. Павлыш представил себе положение гравитационных отсеков относительно кают-компании, но дверь, которая должна соединять их, была закрыта. Павлыш решил пройти через пульт управления, но, спустав коридор, попал в полутемный компьютерный зал, где в низких креслах сидели два навигатора.

Павлыш замер на пороге.

Разумеется, можно было войти и спросить, как пройти в гравитацию. Но не хотелось оказаться в положении заблудившегося мальчика.

Павлыш стоял в дверях, стараясь сообразить, куда двигаться дальше.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Манаков, К. Ратников

Странствие по удивительным мирам Кира Булычева	5
--	---

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Тринадцать лет пути. <i>Повесть</i>	17
Великий дух и беглецы. <i>Повесть</i>	77
Последняя война. <i>Роман</i>	178
Закон для дракона. <i>Повесть</i>	366
Садовник в ссылке. <i>Рассказ</i>	407
Белое платье Золушки. <i>Повесть</i>	418
Половина жизни. <i>Повесть</i>	492
Поселок. <i>Роман</i>	533
Пленники долга. <i>Рассказ</i>	805

КРАСНЫЙ ОЛЕНЬ — БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Так начинаются наводнения. <i>Рассказ</i>	837
Хоккей Толи Гусева. <i>Рассказ</i>	846
Пустой дом. <i>Рассказ</i>	851
Красный олень — белый олень. <i>Рассказ</i>	862
Снегурочка. <i>Рассказ</i>	872
Загадка Химеры. <i>Рассказ</i>	881

АГЕНТ КФ

Агент КФ. <i>Повесть</i>	889
Подземелье ведьм. <i>Повесть</i>	1046

Булычев К.

Б 90 Последняя война : романы, повести, рассказы / Кир Булычев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 1152 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-10559-1

Кир Булычев — вторая величина в отечественной фантастике XX века после братьев Стругацких. Несколько поколений читателей выросло на его книгах, а первая читательская любовь долговечна и с годами не остывает. Основатель Великого Гусяра (своеобразного аналога северного города Соловца со знаменитым НИИЧАВО и его сотрудниками), крестный папа Алисы Селезневой, девочки из будущего Земли, летописец трудов и дней доктора Павлыша и его друзей из экипажа межпланетного звездолета «Сегежа», лоцман на реке Хронос, соединяющей во времени разные берега России... — Кир Булычев многомерен, как сама жизнь, в его литературной вселенной есть место и шутливому розыгрышу, и едкой, беспощадной иронии, и мудрости ученого и провидца. В ней есть все, кроме скуки.

Эта книга в полном объеме представляет читателю цикл о докторе Павлыше. Также сюда входят произведения, тем или иным образом связанные с миром героев цикла. И опять переключка между мирами — миром Павлыша и миром Полдня XXII века.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Литературно-художественное издание

КИР БУЛЫЧЕВ
ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анна Быстрова, Валентина Гончар,
Ирина Сологуб, Ксения Казак, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.02.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 72. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-МФР-18588-03-Р

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/